A 183/794

ЭБ

2007096053

А 183
794.

А 183
794.

ПИСЬМО

ПРОФЕССОРУ Е. Е. ГОЛУБИНСКОМУ,

съ возраженіями на его книгу: Исторія Русской церкви. Т. I, періодъ до-Монгольскій. Москва, 1880 г.

М. Г. Е. Е.

Поставленный въ невозможность [1], высказать вамъ свои возраженія на диспутѣ, я, по чувству личнаго къ вамъ уваженія и ради интересовъ историческаго знанія, считаю долгомъ выразить ихъ, въ печати въ томъ самомъ видѣ, какъ были они притотовлены для устной бесѣды съ вами.

Соглашаясь со всѣмъ тѣмъ, что было высказано оффиціальными оппонентами о достоинствахъ вашей книги, я считаю не лишнимъ указать на ея особенное своеобразное качество. Рѣдкая страница въ вашей книгѣ не возбуждаетъ въ читающемъ ряда недоумѣній, сомнѣній, колебаній и разнообразныхъ вопросовъ; съ одной стороны—это, конечно, недостатокъ, но въ большинствѣ случаевъ онъ зависилъ не столько отъ васъ, сколько отъ самаго предмета. Съ другой же стороны—это большое достоинство: почти каждая страница под-

---

[1] Послѣ возраженій оффиціальныхъ оппонентовъ Н. И. Субботина и В. О. Ключевскаго, возраженій, сдѣланныхъ съ ученымъ достоинствомъ, основательно обдуманыхъ и разносторонних, диспутъ, какъ вамъ извѣстно, принялъ такой *веселый* характеръ, послѣ котораго возобновлять серьезную ученую бесѣду было невозможно.

М.П.М.

стрекаетъ любознательность, поддерживаетъ интересъ, знакомитъ съ новыми сторонами извѣстныхъ вопросовъ и наводитъ на новыя вопросы. Въ силу этого качества книга ваша является просто рычагомъ для дальнѣйшаго движенія «Русской Церковной Исторіи» и вмѣстѣ силою, которая помогаетъ орудовать этимъ рычагомъ.

Ограничившись этимъ общимъ замѣчаніемъ о достоинствахъ вашей книги я перехожу къ изложенію своихъ возраженій.

Прежде всего останавливаю свое вниманіе на «Лѣтописной повѣсти о крещеніи св. Владиміра». Вы не безъ причины въ вашей рѣчи, которой открыли диспутъ, выдвинули на впередъ вашъ взглядъ на эту повѣсть: она, говорили вы, смутила нѣкоторые богословскіе умы и вамъ самимъ лично приходилось выслушивать осужденіе вашего мнѣнія. Выражая свой взглядъ, вы даже старались прикрыть себя авторитетомъ другихъ исторіографовъ, которые еще прежде васъ подвергли сомнѣнію фактическое значеніе этой повѣсти.

Но мы съ своей стороны должны замѣтить, что исторія, какъ наука, не можетъ смущаться ничьими личными мнѣніями или чувствами: она знаетъ лишь одну историческую правду. Вамъ именно принадлежитъ честь строго-критическаго отношенія къ этой повѣсти: никто прежде васъ не подвергалъ ее такому тщательному анализу. Вашей критикою обязательно доказано значеніе этой повѣсти, какъ вымысла. Вопросъ теперь только въ томъ, какъ смотрѣть на этотъ вымыселъ? Есть ли это легенда, созданная изъ историческихъ мотивовъ, или это фабула, чистая выдумка грека, которой ни мало не отвѣчала историческая дѣйствительность.

Вы доказываете послѣднее. Но трудно представить, чтобы папы, всегда зорко слѣдившіе за языческими народами и всюду посылавшіе свои миссіи, опустили изъ виду Русь. Вѣдь эта Русь была слишкомъ хорошо извѣстна на Западѣ во времена Владиміра. Вѣдь эта Русь занимала цѣлую восточную половину Европы. Вѣдь эта Русь—уже послѣ обращенія въ христіанство не переставала никогда быть предметомъ замысловъ Рима. Возможно ли допустить, чтобы папы опустили ее изъ виду, когда она была еще языческою и особенно, когда она готовилась къ принятію христіанства?

Еще менѣе возможно допустить, чтобы Греки, которымъ не разъ давала чувствовать себя варварская Русь своими набѣгами, не старались всѣми мѣрами такъ или иначе воздѣйствовать на Владиміра къ принятію имъ греческой вѣры.

Съ политической точки зрѣнія Грековъ принять греческую вѣру значило въ то же время и поступить въ подданство грековъ, или, какъ выражается Фотій, поставить себя въ чинѣ подданныхъ (ἐν ὑπηκόων ταξει). И дѣйствительно мы видимъ, что эта политика грековъ долго сказывалась въ Россіи—съ принятіемъ ею греческаго христіанства.

Такъ, въ актѣ Константинопольскаго собора, бывшаго во 2-й половинѣ XII вѣка, именно въ 1176 г., на которомъ присутствовалъ русскій митрополитъ Михаилъ II, прямо сказано, что русскіе митрополиты принимавшіе свои полномочія отъ Константинопольскаго патріарха, должны были въ *чину своего исповѣданія выражать присягу на подданство грекамъ* [2].

Извѣстно также, что Великій русскій Князь даже въ XIV вѣкѣ трактовался во Константинополѣ въ скромномъ чинѣ *стольника* греческихъ инспекторовъ [3].

Наконецъ и въ вашей собственной книгѣ замѣчено, что Греческіе Императоры включали имена народовъ, содержавшихъ православную вѣру, въ свой титулъ, считая ихъ какъ бы вассальными себѣ.

Эта политика Грековъ, направленная къ подчиненію себѣ народовъ при посредствѣ своей вѣры и такъ настойчиво проводимая ими въ ихъ отношеніяхъ къ православной Россіи, *рано* должна была входить въ виды Грековъ; *съ тѣхъ именно поръ*, когда они впервые испытали набѣги варварской Руси и именно *для того*, чтобы по крайней мѣрѣ хотя на будущее время оградить себя отъ подобныхъ ея набѣговъ.

И такъ, говоримъ, трудно отвергать, чтобы со стороны папы, а еще болѣе со стороны Грековъ не было дѣйствительныхъ попытокъ къ воздѣйствію на Владиміра для обращенія Руси въ Христіанство.

Что̀ это были за попытки, въ какой формѣ онѣ происходили, при посредствѣ ли нарочныхъ пословъ или какъ нибудь иначе, одновременно или, что всего вѣроятнѣе, въ разное время, рѣшать это не

---

[2] Честь открытія этого драгоцѣннаго историческаго памятника въ одномъ изъ иностранныхъ архивовъ принадлежитъ профессору—канонисту А. С. Павлову, который обязательно показывалъ намъ самый списокъ этого акта. Дѣлая на него указаніе, мы лишь заявляемъ о новомъ открытіи А. С. Павлова, который уже не мало обогатилъ науку каноническаго права подобными открытіями.

[3] Русск. Истор. библ. Т. VI, стр. 274.

беремся. Но высказанныя нами соображенія приводятъ къ убѣжденію, что въ «повѣсти о крещеніи Владиміра» отражаются какія-то дѣйствительныя попытки со стороны папъ и грековъ подчинить себѣ Россію при посредствѣ вѣры.

При такомъ воззрѣніи на эту повѣсть нѣтъ надобности считать ее, какъ вы утверждаете, химерической выдумкой какого-то Грека. Основаніе для такого предположенія, указанное Вами въ заключительной молитвѣ, слишкомъ шатко. Вотъ эта молитва: «О, святая Царя Константине и Володиміре! Помогайте на противныя сродникомъ ваю и люди избавляйте отъ всякія бѣды *Греческія* и рускія.» Сопоставивъ Владиміра съ Царемъ Константиномъ, книжникъ, естественно, поставилъ и оба народа, рускихъ и грековъ, которыхъ эти цари были просвѣтителями: такъ могъ написать сколько грекъ, столько, и русскій книжникъ. Если по вашему мнѣнію смиренный русакъ не рѣшился бы просить молитвъ этихъ святыхъ за высокихъ грековъ, то мы въ свою очередь вправѣ думать, что еще меньше гордый грекъ сталъ бы заботиться о молитвахъ на небѣ за «малыхъ» русскихъ. Основаніе это, говоримъ, слишкомъ шатко.

Гораздо вѣроятнѣе предполагать, что эта повѣсть есть ничто иное, какъ легенда, почерпнутая книжникомъ изъ народныхъ преданій. Подобныхъ легендъ, какъ вамъ извѣстно, не мало занесено въ лѣтопись.

Быть не можетъ, чтобы такой политической актъ, какъ публичное принятіе княземъ христіанства, не возбудилъ въ народѣ разныхъ сказаній и не народилъ въ немъ легенды; но какъ всякая легенда отражаетъ въ себѣ такой или другой историческій фактъ, то и эта «повѣсть о крещеніи Владиміра» предполагаетъ для себя соотвѣтствующіе историческіе мотивы.

Что подобныя легенды несомнѣнно существовали, неотразимымъ подтвержденіемъ этого служитъ записанная нами «былина о томъ какъ князь Владиміръ женился на Греческой царевнѣ Аннѣ».

Достойно замѣчанія, что на пиру у Владиміра, когда снаряжалъ онъ кіевскихъ богатырей за невѣстою въ Царьградъ, рядомъ съ русскими сидятъ и богатыри греческіе:

Ай-же вы русскіе богатыри,
Ай-же вы поленицы удалые!
Нынь какъ есть у насъ въ прибытіи
Буянъ де Леонтьевичъ,

Да пришелъ ли онъ отъ Царя-Града;
Пришелъ ли да онъ въ стольный Кіевъ градъ:
Какъ другой ли то могучь богатырь
Туганинъ Ѳотоповичъ,
Онъ пришолъ ли съ земли со Турецкія:
Сидятъ оны въ палаты княженецкоей
За тынмъ ли столомъ за окольнымъ.

За тѣмъ Владиміръ обращается къ русскимъ богатырямъ и спрашиваетъ:

Ай-же вы русскіе могучіе богатыри!
Знаете ли мнѣ княгиню во супружество взять?

Добрыня Никитичъ между прочимъ отвѣчалъ на это:

И былъ я въ заднее-то время,
У царя да былъ во Греціи,
Я смотрѣлъ его дочь да воединую:
Бровь то у нея да черна соболя,
Очи у нея да ясна сокола;
Станомъ то она да становита,
Ростомъ-то она да высоконька;
Во лбу у ней да мѣсяцъ свѣтлый
Волоса у ней да звѣзды частыи и т. д.

Затѣмъ богатыри отправляются въ Царьградъ съ «посульной грамотой», царевна идетъ въ замужство, но подъ условіемъ, если онъ «броситъ житье заднее и окрестится въ вѣру крещоную».

Изъ подобныхъ то народныхъ преданій и сложилось, по нашему мнѣнію, книжная легенда о крещеніи Владиміра, которая необходимо должна отражать въ себѣ соотвѣтствующіе историческіе факты.

Разныя редакціи этой повѣсти обусловлены тѣмъ же народнымъ характеромъ: первичная основа касалась только попытокъ къ обращенію Владиміра въ христіанство со стороны папы и грековъ, за тѣмъ осложнилась Хазарскими жидами и другими случайными мотивами.

Это наше мнѣніе — о дѣйствительности этихъ попытокъ, представляющихъ историческій мотивъ этой повѣсти, ни мало не стоитъ въ противорѣчіи съ доказаннымъ вами положеніемъ о личномъ христіанствѣ Владиміра: самъ онъ могъ быть дѣйствительно воспитанъ христіаниномъ, могъ быть просвѣщенъ Варягами, могъ креститься раньше своего народа и именно въ Василевѣ, но это ни мало не

мѣшало ни папѣ, ни грекамъ одновременно или, что всего вѣроятнѣе, въ разное время дѣлать попытки, направленныя къ публичному исповѣданію имъ своей вѣры и обращенію своего народа въ христіанство. Напротивъ, слухи-то о его тайномъ христіанствѣ и могли вызвать и въ папѣ и въ грекахъ политическіе замыслы и рѣшительныя мѣры къ подчиненію себѣ Руси при посредствѣ вѣры.

И такъ, первое наше возраженіе состоитъ въ томъ, что вы, при разборѣ повѣсти о крещеніи Владиміра опустили изъ виду политическія отношенія Рима и Византіи — къ варварской Руси, которыя такъ замѣтно сказываются въ этой повѣсти. По этому не ошибочно ли свели вы все ея значеніе *къ фабулѣ, сфабрикованной грекомъ*. Не болѣе ли основательно, въ виду указанныхъ нами политическихъ отношеній, принимать ее въ смыслѣ легенды, отражающей въ себѣ — дѣйствительные историческіе мотивы, разновременные попытки — со стороны папъ и грековъ, при посредствѣ своей вѣры подчинить Русь своей власти въ періодъ ея язычества?

Далѣе, мы позволяъ себѣ обратить вниманіе на статью «о распространеніи христіанства въ Новогородскихъ колоніяхъ», какъ краѣ намъ особенно извѣстномъ.

Свѣдѣнія, сообщенныя о томъ въ вашей «Церковной Исторіи» крайне скудны и тощи, и притомъ не всегда вѣрны.

Положительныя извѣстія о крещеніи инородцевъ области Новгородской, говорите вы, состоятъ единственно въ томъ, что по свидѣтельству лѣтописи, въ 1227 году, князь Ярославъ Всеволодовичъ «ославъ крести множество Корѣлъ, мало не всѣ люди».

Но есть свидѣтельства о томъ и болѣе раннія: такъ въ 1136 году Святославъ опредѣлилъ брать епископу 100 гривенъ вмѣсто десятины и «съ Обонезьскаго ряда въ Олонци на Свири, въ Юсколѣ, въ Тервиничихъ, у Вьюницѣ (Карамз. III, стр. 111, прим. 267). Всѣ эти приходы, съ которыхъ собиралась церковная дань въ XII вѣкѣ, существуютъ и теперь.

Есть еще болѣе и древніе свидѣтели того же факта свидѣтели археологическіе. Такъ между погостомъ Ильинскимъ и деревнею Еройлою находятся два креста, высѣченные изъ известковаго камня; форма ихъ Византійская, а насѣчка на нихъ Славянскими буквами, выпуклая; судя по надписямъ, кресты эти относятся къ XI вѣку. Подобныя же два креста изъ дикаго камня песчаника находятся въ Олонецкомъ уѣздѣ между Андрусовскою и Сяндемскою пустынями. Хотя на этихъ

послѣднихъ и нѣтъ никакой надписи, но по своей формѣ они также должны быть отнесены къ глубокой древности. [1]

Наконецъ въ XII вѣкѣ въ этомъ краѣ существовали уже монастыри. Таковъ напр. монастырь Муромскій. Историки къ разному времени относятъ основаніе этого монастыря: Кіевскій митрополитъ Евгеній и Московскій—Макарій къ XI вѣку; другіе же—Филаретъ, архіеп. Черниговскій и Н. И. Костомаровъ къ XIV вѣку. Но тѣ и другіе ошибаются. Въ одномъ Государственномъ Архивѣ нами отысканъ актъ, въ которомъ читаемъ слѣдующее:

«Били челомъ Великимъ Государемъ дворцовые крестьяне Вытегорскіе и Андомскіе и Пудожскіе волостей старосты и рядовые крестьяне и всѣ Муромскаго монастыря вкладчики: въ прошломъ въ 6697 (т.-е. въ 1189 году) въ Заонежской пятинѣ въ Водлозерскомъ стану построенъ Муромской монастырь: строеніе мірское, старинное и дали въ тотъ монастырь на прокормленіе Новгородскіе посадники Іванъ и Волосъ и земли и воды и проч.»

Здѣсь особенно замѣчательно то, что въ XII вѣкѣ этотъ монастырь основанъ былъ именно земскими людьми. Извѣстную повѣсть о Муромскомъ островѣ въ виду этого свидѣтельства нужно считать апокрифической.

Такой же древности и монастырь Палеостровскій, нѣкоторые относили его къ XVI вѣку; мы на основаніи мѣстныхъ актовъ—отнесли его къ XIII вѣку; но за тѣмъ въ послѣдствіи въ собраніи покойнаго М. П. Погодина намъ удалось видѣть грамоту на пергаменномъ лоскуткѣ, изъ которой видно, что и этотъ монастырь существовалъ уже въ XII вѣкѣ.

Еще древнѣе былъ монастырь Шунгскій: Шунга донынѣ служитъ средоточнымъ пунктомъ для обмѣна пушныхъ бѣломорскихъ товаровъ съ товарами Волжскаго понизовья. Древнѣйшая грамота Новгородскихъ посадниковъ также извѣстна хотя и въ позднѣйшемъ спискѣ.

Вы говорите, что христіанство распространялось въ Новгородскихъ колоніяхъ не столько нарочитыми стараніями Новгородцевъ, которыя предполагать въ нихъ мы не имѣемъ основаній, сколько само собою по мѣрѣ обрусѣнія инородцевъ.

Но то и другое не вѣрно. Покровительство Новгородскихъ посадниковъ древнѣйшимъ монастырямъ достаточно указываетъ на то,

---

[1] Олон. Губ. Вѣд. за 1867, № 46.

что они далеко не были равнодушны къ христіанской стихіи среди финскаго населенія.

Далѣе совершенно не вѣрно, будто «Христіанство распространялось только въ слѣдъ за обрусѣніемъ». Донынѣ Повѣнецкая корела, загнанная во мхи и болота или на каменистыя безплодныя мѣста, ни мало не обрусѣла, даже говорить не умѣетъ по-русски, и остается той же *«проклятой»* корелой, какой была изстари и однакоже мы видимъ ее христіанскою. Другая — корела Олонецкая, хотя и говоритъ отчасти по-русски, но тѣмъ не менѣе также не обрусѣла, и въ быту и въ понятіяхъ остается тѣмъ же, чѣмъ была, удерживая и свой антропологическій типъ—и мы также видимъ ее христіанскою.

Этотъ фактъ служитъ неотразимымъ доказательствомъ, что христіанство распространялось въ Новгородскихъ колоніяхъ не въ силу только обрусѣнія, но именно въ силу стараній о томъ Новгородцевъ.

И если мы читаемъ въ лѣтописи, «что уже въ 1227 году Ярославъославъ крести Корѣлъ, *мало не вся люди»*, то спрашивается, какое еще требуется основаніе для того, чтобы занести въ Церковную Исторію, что въ домонгольскій періодъ христіанство было распространяемо среди финскаго сѣвернаго населенія, именно стараніями Новгородцевъ? Изъ приведеннаго свидѣтельства видно, что христіанизація Корелъ почти была окончена въ 1227 году, а обрусѣнія ихъ и до сихъ поръ не послѣдовало.

За тѣмъ мы переходимъ къ отдѣлу: *«переводная писменность»*.

Скудный перечень извѣстныхъ сочиненій истолковательнаго характера, уцѣлѣвшихъ до насъ отъ до-монгольскаго періода, состоящій всего изъ 5 №№, мы можемъ восполнить еще новымъ не извѣстнымъ до сихъ поръ сочиненіемъ, подъ заглавіемъ: «Евангелистъ Матѳей, толкованъ Златоустомъ.»

Рукопись эта XIV—XV вѣка принадлежитъ нашему собранію. Что переводъ этого толкованія относится къ глубокой древности, къ періоду до-монгольскому, это видно здѣсь 1) изъ многихъ древнѣйшихъ славянскихъ словъ, которыхъ нѣтъ ни въ словарѣ Миклошича, ни въ словарѣ Востокова, каковы напр. *мечетъ* (сонъ) *запѣяніе* (подозрѣніе) *съслудъ* и т. п.

2) Изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ съ греческимъ окончаніемъ, напр. *христианосъ* (вм. христіанинъ) *Христососъ* (вм. Христосъ).

3) И наконецъ изъ удержанія нѣкоторыхъ греческихъ словъ безъ перевода, каковы напр. *олисфимία*, зерно *синапно*, и т. п.

Важность этой рукописи для русской Церковной Исторіи опредѣляется тѣмъ, что она представляетъ съ себѣ сокращеніе извѣстныхъ бесѣдъ Златоуста на Евангеліе Матѳея: это есть ничто иное, какъ славянская передѣлка этихъ бесѣдъ, предназначенная, очевидно, для первопачальныхъ христіанъ славянскаго племени.

Отсюда слѣдуетъ, что мы многаго не знаемъ въ исторіи нашей церкви, не потому, что предки оставили намъ мало письменныхъ памятниковъ, но потому, что многіе изъ нихъ до сихъ поръ остаются для насъ неизвѣстными. Все, что мы знаемъ, дошло до насъ случайно и нѣтъ сомнѣнія, что много послѣдуетъ еще новыхъ случайныхъ открытій въ этой области.

Здѣсь мы не можемъ не замѣтить, что вы довольно странно опредѣляете отношеніе до-монгольскихъ книжниковъ къ тогдашней письменности. Вы напр. предполагаете, что тогда книжные люди предпочитали лучше не читать библейско-истолковательныхъ и догматическихъ книгъ и объясняете это слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ. «Такъ какъ для уразумѣнія такихъ книгъ требуется толкованіе, а толкованіе можетъ быть правильнымъ и неправильнымъ, и такъ какъ предки наши при своей совершенно ни какой (?) образованности не могли имѣть увѣренности въ своей способности толковать право, то отъ чтенія этихъ книгъ ихъ долженъ былъ выдерживать страхъ, опасеніе сдѣлаться людьми не намѣренно не правомыслящими». (Стр. 609). Мнѣніе, на нашъ взглядъ совершенно не вѣрное ни въ смыслѣ психологическомъ, ни въ смыслѣ этнографическомъ. Возможно ли, чтобы какой-нибудь книжникъ, носящій въ себѣ истинный интересъ къ чтенію книгъ, останавливался въ своей любознательности подобными силлогизмами? Возможно ли, чтобы не умѣя отличить правое отъ неправаго и пища лишь духовной пищи и нравственнаго идеала, онъ опасался неправыхъ толкованій и по чувству подобнаго страха сталъ уклоняться отъ божественной книги? Не вѣрно, говоримъ, это и въ смыслѣ этнографическомъ: не даромъ же и нынѣ богословскія и библейско-толковательныя творенія всего дороже стоятъ на московскомъ антикварномъ рынкѣ: народъ ихъ любитъ, читаетъ и толкуетъ, ни мало не стѣсняясь своими толкованіями; вышеупомянутая нами драгоцѣнная рукопись евангелистъ Матѳей, толкованъ Златоустомъ, сохранена для насъ именно народными книжниками. Мы смѣло утверждаемъ, что простолюдинъ книжникъ пред-

почтетъ самое мудреное святоотеческое твореніе самой доступной для него свѣтской книгѣ и предпочтетъ именно потому, что толкованій онъ не боится и толкуетъ преспокойно, ища нравственнаго идеала, сообразно своему разумѣнію. Нельзя также здѣсь не замѣтить, что древне-славянскій языкъ гораздо понятнѣе для народа, чѣмъ намъ это кажется: по крайней мѣрѣ въ сѣверномъ народномъ языкѣ—бытуетъ множество церковно-славянскихъ словъ, которыхъ нигдѣ уже нельзя встрѣтить, какъ только въ древней церковной книгѣ.

За тѣмъ вы между прочимъ выражаете слѣдующее: «книги были чрезвычайно дороги и ихъ могли пріобрѣтать только люди очень богатые; слѣдовательно и книжная начитанность по таковой силѣ вещей должна была ограничиваться только этимъ небольшимъ кругомъ людей богатыхъ. «(Стр. 611). Во 1-хъ, вы забываете, что книги тогда распространялись не столько посредствомъ покупки, сколько посредствомъ списыванія, а это послѣднее было дѣломъ спасенія души; какъ ни труденъ былъ этотъ путь добыванія книги, но кто этого желалъ, тотъ долженъ былъ находить въ этомъ высокое нравственное наслажденіе. Во 2-хъ, пріобрѣтеніе книгъ обусловливается вовсе не богатствомъ, а внутреннею въ нихъ потребностію. Еслибы вы были ближе знакомы съ Московскимъ антикварнымъ рынкомъ, то вы убѣдились бы, что книги и весьма дорогія покупаютъ не столько люди богатые, сколько люди бѣдные. Вы тогда съ удивленіемъ узнали бы, что иной крестьянинъ сберегаетъ деньги нѣсколько лѣтъ и лишь только для того, чтобы притти въ Москву, и купить любую себѣ книгу, хотя бы она была и очень дорога. Намъ лично одинъ изъ самыхъ бѣднѣйшихъ крестьянъ (Новгор. губ.) предлагалъ 10 рублей, чтобы купить ему въ Москвѣ книгу «Звѣзду Пресвѣтлую».

Слѣдовательно, скажемъ мы въ свою очередь, весьма сомнительно ваше заключеніе, будто въ до-монгольскій періодъ «книжная начитанность должна была ограничиваться только не большимъ кругомъ людей *богатыхъ*».

Наконецъ мы позволяемъ себѣ обратить особенное свое вниманіе въ отдѣлѣ свѣтская письменность на вашу статью о Словѣ о полку Игоря. (Стр. 700).

Начиная съ митрополита Евгенія — церковные историки останавливали свое ученое вниманіе на этомъ знаменитомъ памятникѣ свѣтской письменности; но всѣ касались его лишь только, можно сказать, мимоходомъ. Филаретъ Черниговскій занесъ его въ свою исто-

рію духовной литературы; а вамъ первому принадлежитъ честь внесенія его въ курсъ русской церковной исторіи. Отнынѣ онъ не ускользнетъ никогда отъ вниманія и всѣхъ будущихъ русскихъ церковныхъ историковъ.

Въ «Словѣ» есть дѣйствительно стороны, которыми оно существенно соприкасается съ задачами церковной исторіи. Въ его литературѣ стоятъ еще не окончательно уясненные вопросы, въ рѣшеніи которыхъ особенно могла бы быть авторитетна критика церковнаго историка. Таковъ напр. вопросъ о томъ, былъ ли авторъ христіанинъ въ собственномъ смыслѣ, или онъ былъ таковымъ только по имени; или же вопросъ о томъ, миѳологическія имена боговъ упоминаемыхъ въ словѣ—представляютъ ли въ себѣ истыя вѣрованія тогдашней Руси или только это поэтическіе образы, риторическія украшенія, ни мало не отвѣчавшія дѣйствительности? Къ сожалѣнію, ваша книга не даетъ отвѣтовъ на эти современныя задачи литературы слова. Вы разсматриваете его въ своей церковной исторіи, съ той стороны, съ которой оно менѣе всего имѣетъ здѣсь мѣсто, именно со стороны литературной. Нельзя не замѣтить, что этотъ памятникъ весьма существенно входитъ въ кругъ общаго образованія и онъ достаточно изученъ не только самъ въ себѣ, но и въ его отношеніи къ извѣстному лѣтописному сказанію о походѣ Игоря, а потому сужденіе объ его литературныхъ достоинствахъ требовало съ вашей стороны большой осторожности.

Не отрицая высокихъ достоинствъ этого поэтическаго памятника XII в., вы почему-то однако находите нужнымъ нѣсколько умалить его художественное значеніе. «Слово о полку Игоревомъ, говорите вы, безспорно, есть весьма хорошее и весьма замѣчательное поэтическое произведеніе, но мы имѣемъ смѣлость еретически или не еритически думать, что не болѣе, и что до верха совершенства ему далеко». Въ чемъ же однако усматриваете недостатокъ его совершенства? «Оно, говорите вы, обыкновенно читается послѣ предварительнаго обстоятельнаго знакомства съ событіями и лицами, которыя въ немъ воспѣваются, къ каковому знакомству служитъ повѣсть о походѣ Игоря, читаемая въ Ипатской лѣтописи и передающая событія весьма полно не только съ внѣшнею обстоятельностію, но и съ внутреннею живостію. Но отстраните это предварительное знакомство, которое при чтеніи Слова дорисовываетъ картины и вы будете видѣть въ немъ болѣе мелькающія тѣни, чѣмъ живыя и оконченныя изображенія. (Стр. 704). И такъ «обстоятельность изложенія событія» является у васъ критеріемъ оцѣнки двухъ совершенно разнородныхъ произведеній поэтическаго и

прозаическаго, живой рѣчи, обращенной къ слушателямъ, и лѣтописной повѣсти. Едва ли позволительно судить о совершенствѣ такихъ произведеній по одному и тому же признаку.

Совершенно вѣрно, что лѣтописная повѣсть разсказываетъ о походѣ Игоря со всѣми его подробностями; но вѣдь Слово и по своей задачѣ и по своей формѣ совсѣмъ другое произведеніе: здѣсь передается намъ не столько походъ, сколько политическія думы и чувства очевидца за страды и бѣдствія Кіевской Руси, вызванныя этимъ походомъ. Если лѣтописная повѣсть есть только повѣсть о походѣ, то въ Словѣ предъ нами возстаетъ вся Кіевская Русь и въ ея государственномъ идеалѣ и въ ея горькой дѣйствительности. Если та есть повѣсть историческая о событіи, то Слово есть живая политическая рѣчь о положеніи Кіевской Руси по поводу этого событія.

Въ виду этого намъ кажется страннымъ, что вы стараетесь умалить художественное значеніе Слова за отсутствіе въ немъ подробности факта и за краткость историческихъ очертаній.

Продолжая сравненіе Слова съ повѣстію, вы говорите, что едва ли не должно будетъ признать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ проза выше поэзіи, т. е. повѣсть художественнѣе слова, и приводите слѣдующій примѣръ. Въ день выступленія Игоря въ походъ противъ Половцевъ случилось солнечное затмѣніе; по этому поводу онъ говоритъ—у лѣтописца—дружинѣ, которая видѣла въ семъ худое для себя предзнаменованіе: «братья и дружина, тайны Божія никто же вѣсть, а знаменію творецъ Богъ (яко) и всему міру своему, а намъ что створитъ Богъ или на наше добро, или на наше зло, а тоже намъ видѣти»; въ Словѣ по тому же поводу Игорь говоритъ: «братіе и дружино! луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони».

«Первое къ дѣлу и прекрасно, замѣчаете вы, о второмъ нельзя этого сказать (стр. 704)». Прежде всего замѣтимъ, что это знаменіе было «не въ день выступленія Игоря въ походъ», а уже тогда, когда онъ ввелъ войска свои въ землю Половѣцкую. За тѣмъ болѣе внимательный анализъ этого сравненія приводитъ къ противоположному заключенію. Богословскіе помыслы по поводу этого знаменія, очевидно, вложены въ уста Игоря лѣтописцемъ-монахомъ: онъ даже заставляетъ его каяться при этомъ въ своихъ согрѣшеніяхъ и приписываетъ ему цѣлую покаянную исповѣдь. Игорь не послушался небеснаго знаменія и продолжалъ путь: трудно было рѣшиться на это въ силу богословскаго соображенія. Гораздо естественнѣе изображаетъ Игоря въ эту минуту авторъ Слова: солнечное затмѣніе лишь болѣе раздражало его

отважный духъ, лишь болѣе возбудило его къ воинскому подвигу: онъ идетъ наперекоръ знаменію самого неба: рѣшимость его безповоротна: «Братья и дружина, говоритъ онъ, кажись, лучше изрублену быть чѣмъ быть въ полону: ну, такъ всядемъ на борзыхъ коней, или какъ далѣе «съ вами, русаки, говоритъ, хочу или сложить свою голову или шлемомъ напиться изъ Дона».

Объясняя смыслъ этихъ рѣчей авторъ «Слова» прибавляетъ:

Запальчивость въ Князѣ умъ надмила
И тосненіе напиться шеломомъ изъ Дона.
Знаменія мѣсто въ немъ заступило [1].

Отсюда видно, каково было въ минуту солнечнаго затмѣнія нравственное настроеніе Игоря и умѣстны ли тутъ богословскіе помыслы, влагаемые въ уста его лѣтописцемъ?

Еще менѣе, на нашъ взглядъ, кажется вѣрнымъ ваше сужденіе о плачѣ Ярославны.

«Во 1-хъ, говорите вы, Ярославна могла бы плакать нѣсколько пространнѣе, а также и нѣсколько чувствительнѣе; во 2-хъ, тутъ вотъ какая странность: она лишилась не только мужа, но и сына, юноши въ первой юности, и однако ея плачъ ограничивается только мужемъ, ни словомъ не касаясь сына, думаемъ, что совсѣмъ хорошій поэтъ никакъ не забылъ бы про мать и даже поставилъ бы ее впереди жены. (Ibid.)» Всѣ предъявленныя требованія мы не можемъ иначе назвать какъ странными. Нельзя измѣрять достоинства плачей количествомъ слезъ и художества причети ея *пространностію*. Нельзя спрашивать, почему жена плачетъ о мужѣ, забывая сына,—такъ какъ одно горе подавляетъ другое: это обыкновенный психологическій процессъ. Вѣдь съ Игоремъ былъ и его племянникъ; можно, пожалуй, потребовать, почему Ярославна забыла и его въ своемъ плачѣ; вѣдь любить его могла она не меньше сына.

Всѣ высказанныя вами притязанія произошли отъ одного обстоятельства: вы опустили изъ виду, что плачъ Ярославны со всѣмъ не лирическая причеть: вѣдь это есть ничто иное какъ эпическая молитва, обращенная къ стихійнымъ силамъ о покровительствѣ Игорю и его дружинѣ. Сближеніе этого плача съ народными заговорами не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что и онъ также въ существѣ своемъ есть ничто иное, какъ заклятье на воинское оружіе.

---

[1] Что такъ слѣдуетъ переводить соотвѣтствующее мѣсто подлинника, это будетъ выяснено нами въ нашемъ изслѣдованіи о «Словѣ».

Требованіе *пространности*, или большей *чувствительности*, здѣсь совершенно не умѣстны. Молясь за Игоря — она молится въ то же время и за воевъ милой своей Лады, въ рядахъ которой стоялъ и ея сынъ. Спасеніе Игоря и возвращеніе его въ Русь является въ Словѣ какъ бы результатомъ этой молитвы.

За тѣмъ, не возможно не согласиться съ слѣдующими вашими положеніями о Словѣ:

1. Слово не есть народная былина въ томъ смыслѣ, что оно сочинено устно и постепенно безличнымъ творчествомъ многихъ и потомъ было только записано кѣмъ-то уже готовое: оно не сомнѣнно есть литературное или поэтическое произведеніе въ собственномъ смыслѣ, принадлежащее одному какому-то сочинившему или сложившему ее автору; вообще въ собственномъ смыслѣ сочиненіе неизвѣстнаго сочинителя.

2. Слово не должно быть понимаемо какъ явленіе единичное и исключительное въ своемъ родѣ, а должно быть считаемо единственнымъ дошедшимъ до насъ, или единственнымъ пока извѣстнымъ намъ памятникомъ изъ цѣлаго ряда подобныхъ памятниковъ нашего трубадурства.

Но оба эти положенія не стоятъ ли въ противорѣчіи со всей предъидущей вашей главой о просвѣщеніи, краткій экстрактъ которой сведенъ къ слѣдующему: просвѣщеніе наше состояло въ одной грамотности или одномъ умѣніи читать, однимъ словомъ просвѣщеніе у насъ въ періодъ до-монгольскій находилось на самой послѣдней степени не высоты, какая только возможна. (Стр. 614). Въ самомъ дѣлѣ если въ XII вѣкѣ и раньше было не мало такихъ писменныхъ литературныхъ произведеній, какъ дошедшее до насъ Слово о полку Игоревѣ, которымъ вотъ уже около ста лѣтъ восторгается весь просвѣщенный славянскій міръ, то уже становится весьма сомнительнымъ, чтобы наше просвѣщеніе въ до-монгольскій періодъ по крайней мѣрѣ, въ передовомъ дружинно-боярскомъ слоѣ стояло на такой низкой степени, къ какой приводитъ насъ предъидущая глава вашей церковной исторіи.

Заканчивая этимъ свои возраженія, я долгомъ поставляю выразить при этомъ, что я никому не могу уступить въ своемъ глубочайшимъ уваженіи къ трудамъ многолѣтнимъ и многотомнымъ; нельзя двигать науки безъ ряда ошибокъ.

Е. Барсовъ.

2007096053